

---

Е. М. ЮХИМЕНКО

## Старообрядческая книжность и проблема реконструкции древнерусского литературного обихода

Наши знания по древнему периоду русской литературы основываются на той части источников (литературных, документальных, изобразительных), которая сохранилась к настоящему времени. Из-за недостатка источников мы зачастую вынуждены прибегать к предположениям и догадкам. Материал более позднего времени, в том числе старообрядческого происхождения, сохранился лучше. На наш взгляд, вполне правомерно использовать эти источники для реконструкции древнерусского литературного обихода (этот термин позволяет нам рассматривать не только литературу, но и рукописную книжность как форму ее бытования).

Суть старообрядческого мировоззрения предельно точно выразил протопоп Аввакум в одном из своих посланий: «Не прелагаем пределы, иже отцы положиша». <sup>1</sup> Верность традициям пронизывала область религиозных установлений и обрядов, церковный и бытовой уклад, <sup>2</sup> сферу культуры, искусство. Именно поэтому старообрядцы — этот факт широко известен — сохранили очень многие памятники старины: книги, рукописи, иконы. На основе традиций развивались в старообрядческой среде книжность и словесность.

В настоящее время имеются практические возможности для того, чтобы использовать старообрядческий материал для изучения проблем древнерусской литературы. Крупнейшая в старообрядчестве Выговская литературная школа, творческое наследие которой насчитывает сотни произведений и десятки имен, достаточно полно введена в научный оборот. Выявлены более 500 неизвестных ранее произведений, установлено авторство, время написания, атрибутированы почерки многих книжников, изучены палеографические и кодикологические приметы выговской рукописной книжности, выявлены эпистолярные, документальные, изобразительные источники. <sup>3</sup> Подобный редкий по полноте

---

<sup>1</sup> Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 215.

<sup>2</sup> См.: Понырко Н. В. «Устав о христианском житии» в жизненном укладе старообрядцев // Монастырская культура: Восток и Запад. СПб., 1999. С. 168—175.

<sup>3</sup> См.: Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1—2.

комплекс материалов дает возможность рассмотреть целый ряд проблем древнерусской литературы всесторонне, увидеть не отдельные факты, но подлинную живую традицию.

По характеру возникновения и внутреннему устройству, религиозным и культурным задачам Выговское общежитие типологически близко к крупнейшим древнерусским монастырям.<sup>4</sup> На выговском материале можно достаточно полно охарактеризовать основные направления культурного строительства любого монастырского центра, а именно: собирание библиотеки, организацию церковной жизни, написание истории общины и формирование культа местных святых.

На Выгу сохранялись многие традиции монастырской книжности.

Подобно духовным иерархам и настоятелям древнерусских обителей, выговские наставники старались перед смертью оставить духовные завещания. Такие сочинения написали Петр Прокопьев, Даниил Викулин, Семен Денисов, Иван Филиппов. Сохранившиеся автографы завещаний Петра Прокопьева и Семена Денисова подтверждают, что эти документы писались собственноручно, в несколько приемов; иногда рука уже с трудом держала перо, от чего был неровен почерк и часто менялись чернила. Помимо собственно духовных завещаний выговские отцы перед смертью обращали к братии или к настоятелям «прощательные слова» и послания завещательного характера.

На Выгу мы обнаруживаем развитые книжные формы почитания наставников (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря их исследовала Р. П. Дмитриева).<sup>5</sup> Особо чтились сочинения и тем более «саморучные написания» наставников; об этом свидетельствует большое количество дошедших до нас автографов выговских писателей, каталоги, подборки и многочисленные списки их сочинений. Подлинные рукописи первооснователей бережно сохранялись и воспринимались как непреходящая духовная ценность, что подтверждается прямыми высказываниями других выговских авторов. Сочинения наставников многократно переписывались, при этом не только сохранялось имя автора, но зачастую указывалось, чьей рукой был писан оригинал.

В продолжение древнего обычая в Выговском монастыре был создан собственный скрипторий.

Современное состояние изученности палеографии выговских рукописей (атрибуция авторских почерков, выделение почерков писарских, или книжных, и установление их эволюции) позволяет сделать ряд общих наблюдений. В первой половине XVIII в., в период становления общежития как религиозного и культурного центра, сферы распространения авторских и книжных почерков были разграничены. Основатели пустыни и их ближайшие ученики собст-

<sup>4</sup> См Юхименко Е М Сохранение выговскими старообрядцами древнерусской модели монастыря как духовного и культурного центра // Монастырская культура Восток и Запад СПб, 1999 С 176—183

<sup>5</sup> См Дмитриева Р П 1) Волоколамские четьи сборники XVI в // ТОДРЛ Л, 1974 Т 28 С 211—212, 2) Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности // Книжные центры Древней Руси Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности Л, 1991 С 3—15

венноручно делали выписки и составляли подборки сочинений на интересные их темы, они, как правило, выступали и первыми переписчиками сочинений учителей и коллег. Перед профессиональными писцами стояли другие задачи: они трудились над перепиской древнерусского письменного наследия и созданием на его основе собственных, выговских сводов (Миней Четиих, Торжественника). Со временем, когда основы выговской культуры уже были заложены, главным направлением работы скриптория стало распространение сочинений своих авторов, именно они стали теперь основным материалом для копирования.

Кажется, только на Выгу работа скриптория получила письменную кодификацию (относительно других древнерусских монастырских центров подобными документами мы не располагаем). «Чинное установление о писмах, егоже должны вси грамотнии писицы со опасством соблюдати»,<sup>6</sup> сохранившееся в единственном списке конца 60—70-х гг. XVIII в., строго регламентирует труд переписчиков (профессиональным письмом занимались главным образом женщины, насельницы Лексинской обители), определяет характер и организацию труда, систему контроля. Согласно этому документу, писать и переписывать можно было только разрешенное, благословенное. За этим наблюдали «на[д]стоящий над писмами» и «надзирательница»; писицы подразделялись на «больших» и «подначальных». <sup>7</sup> «Должны наказани быти, котории пишут неблагословенно и писма у них обрать и самех их в труды братския отдать. И чтобы в такая грехи неблагословенныя не впадати, должно надзирательнице чащше писиц и писма надсматривати, такоже и большухи келейней частее обсматривати писиц, чтоб они благословенное писали, а своеволне и неблагословенне не писали бы». <sup>8</sup> Другое правило предписывало вести строгий учет выполненной работе: «Писали бы писицы тщателно, яко Богу служаще, а писмо свое объявляли б на писме имянно всякая, как начнутся с Покрова писать, и с коего време до коего, какое писмо кая пишет и колко каких тетрапей напишут. О сем надзирательница и коей приказано писицы подлинныя бы росписи писали и имянно по статьям объявляли». <sup>9</sup> Навыки выговской школы письма и приемы работы прочно держались на протяжении почти двух столетий. <sup>10</sup>

В одной из выговских рукописей 80-х гг. XVIII в. нам удалось найти удивительный пример работы монастырского скриптория. В переписке 16-страничного текста приняли участие 28 писиц, <sup>11</sup> каждая из которых переписывала в среднем по 10 строк (встречается несколько исключений, когда переписывалось и 40 строк, и 5). Приступая к письму, писица на полях ставила свои ини-

<sup>6</sup> Дружинин В Г Писания русских старообрядцев СПб, 1912 С 461 № 842

<sup>7</sup> БАН, собр Дружинина, № 260, л 166 об —167

<sup>8</sup> Там же, л 167

<sup>9</sup> Там же, л 167 об

<sup>10</sup> См Малышев В И Как писали рукописи в Поморье в конце XIX—начале XX вв (К вопросу об изучении техники и быта поморского книгописца) // Изв Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР Петрозаводск, 1949 № 1 С 75—78

<sup>11</sup> РНБ, Q 1 1083, л 26—33 об

циалы (почти все они прочитываются, а некоторые удается расшифровать). Можно предположить, что эти две рукописные тетрадки были своеобразным подарком киновиарху Андрею Борисову, проявлявшему чрезвычайную заботу о выговской книжности и литературе (тетрадки сохранились в составе сборника рабочих материалов и черновиков Андрея Борисова). Таким подношением скрипторий демонстрировал настоятелю свою выучку и свое искусство. Несомненная общность писарских почерков выговской школы очевидна: в некоторых случаях граница между почерками едва уловима. В то же время манера письма сохраняет свою индивидуальность, которая может выражаться в легком наклоне, разной плотности письма, наличии определенных начерков букв.

Благодаря работе выговского скриптория имели широкое хождение не только старообрядческие писания, но, как показывают последние разыскания, велика его роль в сохранении древнерусского литературного наследия. В частности, Е. В. Крушельницкая в результате исследования пришла к выводу о том, что большинство списков Первой редакции Жития Мартирия Зеленецкого находится в сборниках, составленных на Выгу.<sup>12</sup> А. В. Пигин убедительно доказал, что «Повесть Никодима типикариси Соловецкого» в середине XVIII в. пережила свое «второе рождение» исключительно благодаря выговским книжникам.<sup>13</sup>

На выговском материале возможно типологическое изучение литературных кружков и школ, значение которых для истории русской литературы трудно переоценить (достаточно вспомнить кружки митрополита Макария, Максима Грека, Андрея Курбского, Симеона Полоцкого, приказную школу). Выговская книжность позволяет проследить и охарактеризовать на конкретном материале начальный период школы: собирание библиотеки, накопление знаний, составление тематических подборок и выписок, обучение литературному мастерству. Н. В. Понырко ввела в научный оборот сборник упражнений в риторике, относящийся к 1725 г. и представляющий мастерскую Семена Денисова и его учеников.<sup>14</sup> Новые материалы показывают, что позже подобную школу прошли Андрей Борисов и еще один книжник, неизвестный пока по имени. 60-ми гг. XVIII в. датируются их письменные штудии грамматических категорий и риторических фигур,<sup>15</sup> причем первые примеры в этих тетрадях написаны Козмой Ивановым, литературным наставником которого был, как известно, Семен Денисов. Таким образом, мы можем говорить об устойчивой традиции подобных учебных занятий, благодаря которым сохранялась преемственность нескольких поколений писателей одной школы.

Переписка выговцев с настоятелем поморской общины города Романова в 80-х гг. XVIII в. Григорием Корнаевым позволяет рассмотреть такие вопросы, как литературные контакты и расширение географических рамок школы.

<sup>12</sup> Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе СПб, 1996 С 121

<sup>13</sup> Пигин А. В. Демонологические сказания в русской рукописной книжности XIV—XX вв. Автореф. дисс. д-ра филол. наук СПб, 1999 С 26—27

<sup>14</sup> Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ Л, 1981 Т 36 С 158—159

<sup>15</sup> РГБ, ф 17 (собр. Барсова), № 187, л 160—182

В письмах Корнаева на Выг содержатся неоднократные просьбы выслать ему последние литературные новинки, сочинения киновиарха Андрея Борисова и «Великую науку» Раймунда Люллия (сочинение А. Х. Белобоцкого). Снабжая поморцев в других городах учебниками риторики (штудирование которых считалось неременным условием писательского мастерства еще со времен братьев Денисовых), выговские наставники прибегали к своеобразным формам заочного обучения старообрядческих писателей.

Письменное наследие Выга, достаточно полно сохранившееся, позволяет проанализировать соотношение в рамках школы идейных и собственно литературных аспектов, необходимость выработки единой стилистики и определения жанровых предпочтений. История выговской словесности за полтора века ее существования подтверждает тот факт, что отличительные черты школы формируются уже на начальном этапе, это период творческих поисков и видимых результатов. Недаром традиция, как правило, усваивает школе имя ее основателя. Писатели последующих поколений сознательно продолжают и развивают достижения основоположников, рассматривая это как одну из форм их почитания.

Без старообрядческого материала невозможно обойтись при исследовании жанров древнерусской литературы. Практически речь идет о всех жанрах средневековой литературы (за исключением драматургии). Выговские писатели продолжили и развили древнерусские традиции в жанре агиографии (включая маририи), исторического повествования, торжественного красноречия. На Выгу также записывались сказания о местных святынях (в русской литературе этот процесс особенно активно проходил в XVII в.). Недавно было обнаружено «Сказание о чудесах Тихвиноборского образа Спаса». Реальная основа этого произведения и даже имена некоторых героев подтверждаются документальными источниками.

На Выгу получил развитие даже такой довольно редкий жанр, как сказание о последних днях жизни подвижника. Наиболее известный памятник этого круга — рассказ Иннокентия о последних днях Пафнутия Боровского. В 70-е гг. XVIII в. Василием Осиповичем Шапошниковым было написано «Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича». Анализ этого произведения доказывает, что в нем нашли продолжение такие древнерусские традиции жанра, как литературная обработка документальных записей, передача подлинных слов подвижника, своеобразный «бытовизм», внешняя безыскусность повествования, отмеченная еще В. О. Ключевским; использованы некоторые типичные литературные приемы, в частности описание предвидения преподобным своей кончины и непонимания окружающими его пророческих слов. Анализ сохранившегося чернового автографа «Сказания о преставлении Симеона Дионисиевича» свидетельствует о том, что неоднократная правка текста по существу не затронула прямой речи, которая восходит к лежащим в основе «Сказания» документальным записям.<sup>16</sup>

---

<sup>16</sup> Подробнее см. Юхименко Е. М. Неизвестный выговский писатель Василий Данилов Шапошников и «Сказание о преставлении Симеона Дионисиевича» // ТОДРЛ СПб, 1993 Т. 46 С. 441—452

Старообрядческий материал позволяет сделать интересные наблюдения, касающиеся проблемы использования устных источников при написании исторических сочинений.

Приступая к написанию исторических сочинений, реализующих созданную на Выгу единую историографическую концепцию, выговские книжники предприняли большую и довольно опасную по тому времени работу по сбору источников, как письменных, так и устных, о старообрядческих мучениках и учителях, подвизавшихся в различных районах России. Но применительно к интересующей нас теме важно то, что можно документально подтвердить все стадии сбора и обработки устных источников. В 1698 г. выговцы предприняли поездку в Сумский острог в надежде найти мощи писаря Соловецкого монастыря Ивана Захарьева. Об этом сообщил годом позже доносчик Мартемьян Никифоров Ивантеев. Без сомнения, выговские посланцы расспрашивали местных жителей о Соловецкой осаде. Кроме того, Выг приютил выходцев почти со всей России, но главным образом из Поморья. Среди них были те, кто помнил или слышал о событиях второй половины XVII в. Выговские писатели буквально понуждали очевидцев записывать подобные сведения. Сохранились подлинные письма Семена Денисова, относящиеся ко времени его работы над «Виноградом Российским», в которых он просил псковича Ипата Ефремова записать то, что тот знал о пострадавших во Пскове, а каргопольца Даниила Матвеева — о замученных в Каргополе. Эти записки писатель просил доставить к нему. После переработки эти сведения были включены в старообрядческий мартиролог.<sup>17</sup>

Подобные просьбы обращал к выговцам и автор Жития Андрея Денисова Андрей Борисов. Василий Данилов Шапошников в письме от 23 января 1769 г. писал Андрею Борисову, что посылает ему написанные по его просьбе 9 статей о первом выговском киновиархе. В число этих статей, без сомнения, входили два рассказа о чудесах, случившихся после смерти Андрея Денисова с Даниилом Ивановичем и «прекратким Евсеем». Материалы ревизских сказок 1722 и 1744 гг. позволяют установить, что Василий Данилов рассказал агиографу о своих родственниках — отце и дяде.

Не вызывает сомнения существование черновых записок, положенных в основу Кирилло-Епифаниевского житийного цикла (1730-е гг.), исследованного Н. В. Понырко;<sup>18</sup> записок Пахомия, использованных при составлении выговского жития инока Корнилия.<sup>19</sup>

На старообрядческом материале мы имеем возможность не только подтвердить существование черновых записок (в отношении целого ряда средневековых памятников мы оперируем только предположениями), но и проанали-

<sup>17</sup> Подробнее см. Юхименко Е. М. 1) Новые материалы о начале Выговской пустыни // ТОДРЛ СПб, 1993 Т 47 С 336, 340—341, 2) Вновь найденные письма Семена Денисова // ТОДРЛ Л, 1990 Т 44 С 409—421

<sup>18</sup> Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ Л, 1974 Т 29 С 154—169

<sup>19</sup> Брещинский Д. Н. Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРЛ Л, 1979 Т 33 С 127—141

зировать характер и степень их использования. В частности, анализ старообрядческих мартириев показывает, что на основе устных источников (их достоверность в целом ряде случаев подтверждается сохранившимися следственными делами) формируется сюжетная схема жития, в которую включаются необходимые этикетные эпизоды. Таким образом отчетливо проступает этикетность древнерусской литературы.

И еще одна область, для которой письменное наследие старообрядчества трудно переоценить, — это творческая лаборатория древнерусского книжника (впервые эта тема была рассмотрена Д. М. Буланиным).<sup>20</sup>

В Древней Руси зачастую имело место коллективное творчество. Однако мало известно, как практически реализовывался этот принцип, за недостатком материала не всегда ясно, как на деле шла эта коллективная работа. Выговская книжность дает в этом отношении также весьма ценный материал.

В 30-е гг. XVIII в. небольшой кружок существовал вокруг настоятеля Семена Денисова. В него входили его ученики и постоянные литературные сотрудники Даниил Матвеев, Алексей Иродионов и неизвестный нам пока по имени книжник, почерк которого условно называется II анонимным. Как нами установлено, эти книжники работали над поновлением текста Изборника Святослава 1073 г. (в выговской библиотеке имелся список Изборника третьей четверти XV в.). Анализ помет и приписок позволяет установить ход работы. Основная правка вносилась всеми тремя сотрудниками выговского киновиарха, причем иногда они работали параллельно. Перепиской рукописи руководил Алексей Иродионов. Семен Денисов, признанный литературный авторитет, осуществлял лишь общий окончательный сквозной просмотр материала, делая собственные исправления в единичных случаях.

В 1740—1744 гг. подобный творческий коллектив составляли новый настоятель Иван Филиппов, Гавриил Максимов и примкнувший к ним Алексей Иродионов. Их тщательная многослойная работа над текстом хорошо видна в черновиках: переписанное одним подвергается обширной правке другого книжника, а затем литературный мэтр, в данном случае Иван Филиппов, вносит окончательную небольшую сквозную правку. Нам известны черновики нескольких сочинений, над которыми именно таким образом трудились эти книжники. Большинству этих сочинений выговская традиция усвоила статус анонимных: это «Поучение в день Богоявления», «Слово на усекновение честныя главы Иоанна Предтечи», написанные для второй редакции Поморского Торжественника, и выговское Житие Кирилла Сунарецкого. Но точно так же эти книжники работали и над окружным посланием самого Ивана Филиппова.

Изучение старообрядческого материала, на наш взгляд, имеет большое значение не только само по себе, но также для ретроспективного рассмотрения проблем древнерусской литературы и реконструкции литературного обихода этого периода. Относительно более полная сохранность выговской книжности позволяет исследовать средневековую культурную модель более полно и глубоко.

---

<sup>20</sup> См.: Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3—13.